

18+

Игорь Малинский

Записки
сдержанного
ОПТИМИСТА

о временах и людях, которых мы встречаем

Игорь Борисович Малинский

Записки сдержанного оптимиста

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63015707
ISBN 9785005165398*

Аннотация

«Записки сдержанного оптимиста» – это попытка взглянуть на свою жизнь, жизнь моего поколения с высоты прожитых лет. И, конечно, не без юмора и лёгкого философствования. Надеюсь, прочитанное не оставит равнодушными ни моих сверстников, ни молодёжь. Отличник, физик, пловец, строитель, певец, танцор, педагог и (надеюсь!) поэт и писатель Игорь Малинский.

Содержание

Глава I. Дедов подвал	7
Глава II. 1909 ОСТБ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Записки сдержанного оптимиста

**Игорь Борисович
Малинский**

*Есть у меня шестёрка слуг,
Проворных, удалых.
И всё, что вижу я вокруг, —
Всё знаю я от них.
Они по знаку моему
Являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему,
Кто, Что, Когда и Где.*

Р. Киплинг, перевод С. Маршака.

© Игорь Борисович Малинский, 2020

ISBN 978-5-0051-6539-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
– Кто он такой, этот сдержанный оптимист? – спросите вы.

Я не могу дать точное определение, но это на 100% ваш покорный слуга. Не сказал бы, что бытие приносит мне посто-

янную радость, что присуще оптимистам, но, с другой стороны, считаю своё нахождение здесь и сейчас не случайным и надеюсь, что в конце концов всё будет хорошо. А в общем, как и вы, ищу ответы на многие вопросы и часто вместо ответов получаю новые вопросы... Люблю пофилософствовать в любой ситуации и подолгу дискутирую сам с собой, мысленно, конечно. И ещё... В последнее время начал замечать, что я довольно редкий экземпляр – я доверяю только науке. Помните замечательную фразу из «Двенадцати стульев»:» – Ваше политическое кредо? – Всегда!». Причём это касается не только физики, которую я изучал и преподавал, и не обязательно так называемых точных наук. Я, например, являюсь последовательным приверженцем дарвинизма, что у большинства вызывает совершенно непонятную отрицательную реакцию. Вот как это объяснить, если теория эволюции не только ни разу не «прокололась», но, наоборот, с каждым годом получает всё больше подтверждений?! Вспоминается непридуманная байка о званом обеде, на котором за столом соседкой Чарльза Дарвина оказалась очень красивая молодая дама. «Мистер Дарвин, – завела она беседу, – вы утверждаете, что человек произошёл от обезьяны. Ваше утверждение можно отнести и ко мне?» «Да, конечно, – ответил Дарвин, – но вы происходите не от обыкновенной обезьяны, а от очаровательной». И вообще я считаю, что мы живём на переломе двух эпох. Мы это не очень замечаем, потому что находимся внутри процесса, но когда-ни-

будь именно наше время станет новой исторической точкой отсчёта.

Эта книга – как раз об этом: о временах и людях, которых мы в эти времена встречаем.

Глава I. Дедов подвал

Все анекдоты – из жизни. Помню, моя дочь, учась в 11-м классе, задала мне вопрос из тестов по истории: «Папа, а чем реформы Косыгина отличались от реформ Столыпина?» Ответил, не задумываясь: «А что, у Косыгина были какие-то реформы?»

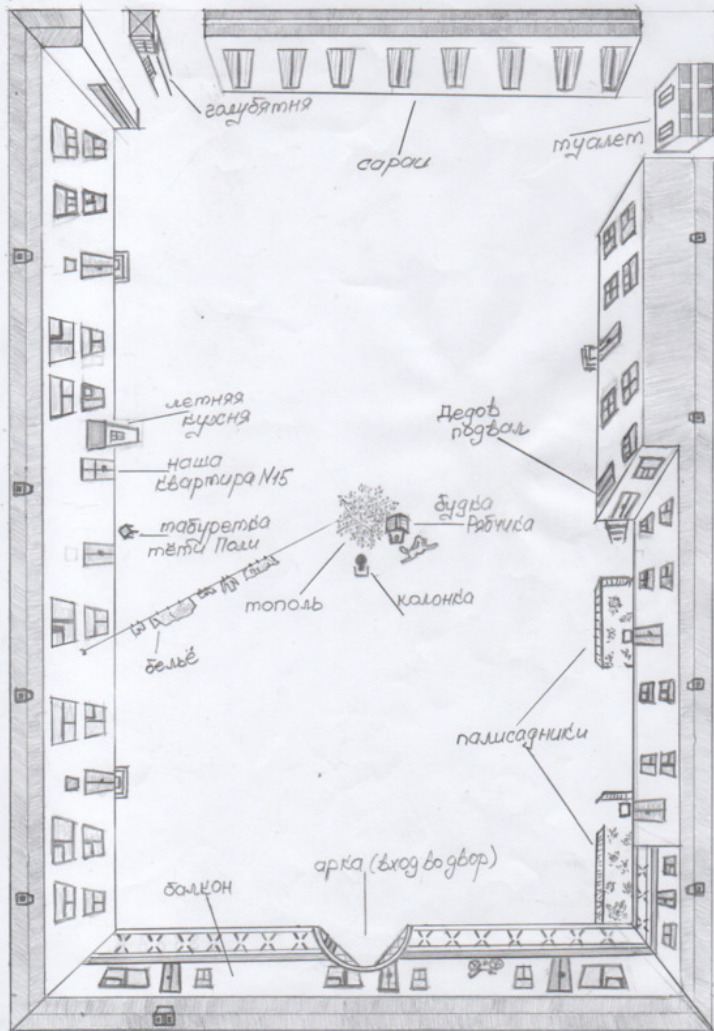
Вообще память наша очень избирательна: до мельчайших подробностей восстанавливает какое-нибудь совершенно рядовое событие и напрочь стирает что-то очень важное... А иногда кооперируется с воображением и добавляет действительности таких красок, что уже не поймёшь, правда это или вымысел.

Стою возле своего двора, вернее, возле того места, где был мой двор – настоящий еврейский дворик в центре города, недалеко от Центрального рынка. Здесь мало что напоминает то место, где я провёл три первых года моей жизни, да и потом бывал очень часто, посещая бабушку с дедом. При выходе из дворовых ворот сквозь деревья небольшого сквера открывалась роскошная перспектива на Привозную церковь и Торговую улицу с её многочисленными магазинчиками и лавками. В углу сквера был один маленький белый домик, в котором торговали керосином для заправки примусов и керогазов. Если кто-нибудь из вас заинтересуется отличительными тонкостями этих двух приспособлений, Википе-

дия ответит на все вопросы. Улицы были вымощены булыжником, и постоянно раздавались цокот копыт и грохот телег, гружённых в основном провизией. Автомобили тогда, в начале 1960-х, были в Херсоне редкостью, но одну дату в истории общественного транспорта города знаю точно. Дело в том, что это произошло за день до моего рождения: первый троллейбус вышел в свой первый рейс 10 июня 1960 года. Маршрут его однако не проходил в нашем районе, зато около Привозной церкви была конечная остановка автобусов. Именно с автобусом связано одно из самых весёлых воспоминаний детства... Было мне, кажется, года три от роду, зашли мы с отцом в автобус на этой конечной остановке, сидим несколько минут. Водитель, видимо, ждёт, чтобы отъехать по графику. И тут я громко кричу: «Шафёл, кути луль!». Это вызвало оживление среди пассажиров, водитель тоже улыбнулся, закрыл двери и отъехал от остановки. И Торговая, и наш сквер по-настоящему попали в историю в 1958 году, когда здесь собралось минимум полгорода посмотреть на съёмки советско-югославского фильма «Олеко Дундич». Такое событие было на тот момент необычным и вызвало всеобщий ажиотаж. Ещё бы – настоящая съёмочная группа киностудии им. Горького да ещё и с югославским актёром Бранко Плешей в главной роли! Не отрывая взгляды толпы зевак смотрели несколько дублей подряд, как главный герой взлетает на коня прямо со ступеней областной библиотеки (ныне Центральный ЗАГС) и скачет вверх по улице Торго-

вой.

Ну что же, войдём во двор моего детства? Но сначала посмотрим на табличку над зелёными воротами: Советская, 42. Обещаю вернуться к вопросу наименования улиц и поделиться своими мыслями по этому поводу, ибо это тоже неисчерпаемый кладёзь юмора. В центре двора – высоченный тополь, его видно из порта. В старой части города все строения – двух- и трёхэтажные, и тополь гордо возвышается над ними. Под тополем – будка, в которой живёт общедворовая собака Рябчик, рядом – колонка, из которой берут воду.



По обеим сторонам двора – квартиры на I и II этажах, а одна (№1) – с улицы, вход слева от ворот. А справа – подвал, когда его вход закрыт, на него ставят маленькие скамеечки, табуретки или просто что-нибудь подстилают местные бабушки и сидят, осматривая всех проходящих, здороваясь со знакомыми и разговаривая. Этот подвал – склад продуктов, которые на телегах, запряжённых лошадьми, развозят в детсады и больницы. Квартир во дворе – около двадцати. Над воротами, с уличной стороны двора, тянется галерея с деревянными полами, на которую выходят двери нескольких квартир. Вход на лестницу, ведущую наверх, на галерею, прямо в подъезде, слева от ворот, у самого начала двора. Напротив этого входа, там же в подъезде, дверь в мастерскую по ремонту музыкальных инструментов.

Ну вот, собственно, мы и во дворе... Тополь – центр нашей композиции, как сказал бы художник. Под ним, радостно виляя хвостом, нас встречает Рябчик (светлый, почти белый, с жёлтыми пятнами, поэтому, видно, и Рябчик – рябой) – общедворовая собака. Его кормят все. Он лает или рычит, если вечером во двор заходят чужие или около ворот – пьяные. Он такой свой, понятный – неотъемлемая часть двора. Ну и как же без котов? Их множество, они имеют определённых хозяев, но, как правило, живут во дворе, только каждого кормит его хозяин. В коридор пускают зимой, в холод. И чтобы закончить с живностью: в конце двора,

где сараи, – голубятня, кажется, Беляевых, кто-то из сыновей ими увлекается. Утром их выпускают, размахивая шестом с привязанной к нему тряпкой, они разлетаются по ближайшим улицам – Советской, Белинского, Рабочей, потом возвращаются.

Лето... На верёвках, протянутых через двор от тополя к стенам домов, сидит множество курдюков и стрекоз. Девочка, очень похожая на мою старшую сестру Фаину, пытается их поймать на низко опущенных верёвках, приговаривая: «Курдик, мальчик, сядь мне на пальчик». По ощущениям день летом в детстве – бесконечный, как целая маленькая жизнь. Утро долго тянется, ещё не жарко, во дворе – тени от тополя, от крыш. Слышны голоса: переговариваются женщины, не работающие где-то, домохозяйки, пенсионерки; кто-то стирает, набирает воду из колонки, а две соседки собрались идти на базар. Дети завтракают почти на ходу, хотят быстрее выскочить во двор и приступить к играм. Двор расчерчен классиками: на булыжниках – мелом, а если на земле – острой палочкой. Три девочки – Талка, Люся и Фаина – выносят кукол, одёжки, расстилают на земле под нашими окнами старое одеяло, устраивают кукольные квартиры. Выходят двое мальчишек, предлагают поиграть в жмуритки (именно так в Херсоне – не жмурки и не прятки). Тот, кто жмурится, подходит к тополию, прислоняется лбом к ладоням, ладонями – к стволу, закрывает глаза, считает: «Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать. Кто не заховал-

ся, я не виноват». Остальные в это время прячутся по всему двору, нельзя только домой забегать. Яшка увидел прячущуюся на лестнице Талку, подбежал к тополию, ударил по нему рукой и крикнул: «Дыр-дыра, Талка». Пошёл искать остальных...

День плавно подобрался к полудню, зовут обедать. Дети разбегаются, оставляя все свои игрушки. Куклы, одёжки, посуда, скакалки ждут своих хозяек. Возле двери квартиры №14 сидит на табуретке тётя Поля, она очень толстая и невысокая, всё делает сидя – режет овощи, чистит рыбу, моет. В последнее время плохо видит, но по шагам узнаёт всех.

– Игоррр, это ты? – растягивая слова, с характерным гортанным «р» спрашивает она.

– Я, тётя Поля.

– Ты не мог бы ко мне зайти, напомпать прррымус?

«Напомпать прымус»!!!

Ну где ещё такое услышишь, кроме старых херсонских и одесских дворикув?!



Наша квартира – следующая, №15. Только позже мы поняли, что №14 и 15 – это одна квартира: лепнина вдоль потолка обрывается около стенки в наших кухне и коридорчике, а стенка в коридоре – фанерная. После революции, видимо, сделали две квартиры, чтобы побольше народу заселить, и дверь пробили во двор в окне квартиры тёти Поли. У нас рядом со входной дверью – деревянная пристройка, что-то вроде кладовки и летней кухни. Там кастрюли, сковорода, керогаз, на котором летом еду готовили. Ну а зимой вечером, когда стемнеет, туда дети ходят на горшок, чтобы

не отправляться в общественный туалет в конце двора. Да, как в анекдоте – со всеми удобствами во дворе (позже установят в квартирах туалеты, души или ванны). А что, летом это было даже весело: с утра ставили на солнышке во дворе корыта, тазы с водой, она за полдня нагревалась, и мы, дети, мыли ноги, плюхались, потому что бегали в трусах, в открытых сарафанчиках и были, мягко говоря, не совсем чистыми. На летней кухне колдует бабушка Лиза.



Для меня всё, что готовит она, – верх кулинарного искус-

ства. Я понимаю, что очень субъективно. Но фаршированный лещ и этот рыбный холодец с картошкой!.. Ничего подобного я больше никогда не пробовал. Как говорится, секрет приготовления утерян. При мне бабушка уже не работала, была домохозяйкой, но в настоящем смысле этого слова – это была повседневная работа с утра до вечера. На ней были готовка, походы на базар, стирка, ежедневные вытирания пыли, вытряхивание коридорных ковриков, подметание в кухне и коридоре. (По субботам полную уборку с мытьём полов делала мама после работы: суббота – короткий день). На то, как бабушка торгуется с продавцами, можно было смотреть вечно. Для меня походы с ней на базар тоже не прошли бесследно: не скажу, что я часто торгуюсь, но если делаю это, то всегда успешно. В начале 1990-х в Стамбуле на базаре в «кожаном» магазинчике присмотрел себе куртку и, услышав цену \$140, сказал хозяину, что я у него надолго; выпив несколько чашек кофе и выкурив полпачки (тогда ещё курил) «Мальборо», через 2 часа я был счастливым обладателем куртки за \$70.

Мои детские впечатления от нашего Центрального рынка можно выразить одним словом – рыба! Она висела, лежала, плавала, была всех видов, сортов и способов приготовления. Поэтому, бывая потом в других городах, не удивлялся тому, что херсонская рыба и херсонские арбузы – это устойчивые словосочетания.

И ещё два памятных фрагмента с улицы Торговой: во-

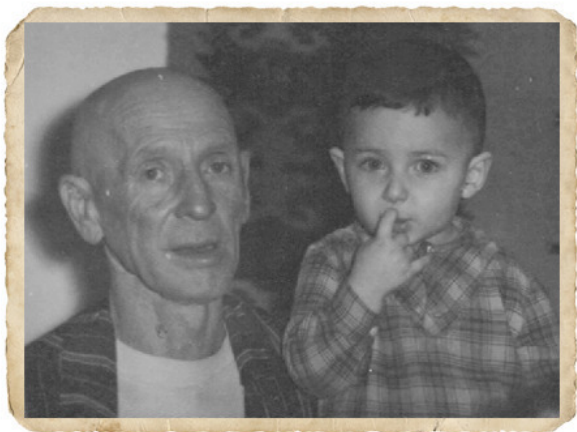
первых, киоск, в котором на подносе лежал шоколад, огромными кусками серого цвета; во-вторых, плакат, на котором радостная девушка в платке и рабочем комбинезоне демонстрировала початок кукурузы. По верху рисунка шла надпись: «Кукуруза – царица полей!» Да... было и это, из песни слов не выбросишь.

Летний день подходит к концу. Вечером приходят родители с работы. Ещё светло. После ужина взрослые сидят во дворе: мужчины играют в домино, женщины «лускают» семечки, разговаривают. Когда совсем темнеет, начинают расходиться.

У нас первых во дворе появляется телевизор. Дед Лёва купил. Летом вечером, уже когда темнело, телевизор, бывало, ставили на широченный подоконник открытого окна экраном во двор, соседи садились перед ним и смотрели фильмы, концерты или футбольные матчи. А зимой иногда самые близкие соседи заходили смотреть и в квартиру. В выходные летом ездили на пляж.

Катера туда и оттуда снуют навстречу друг другу из речпорта целый день. Ну а вечером одеваемся поприличней и идём всей семьёй, а бывает, и несколькими семьями, на Суворовскую или в парк на качели.

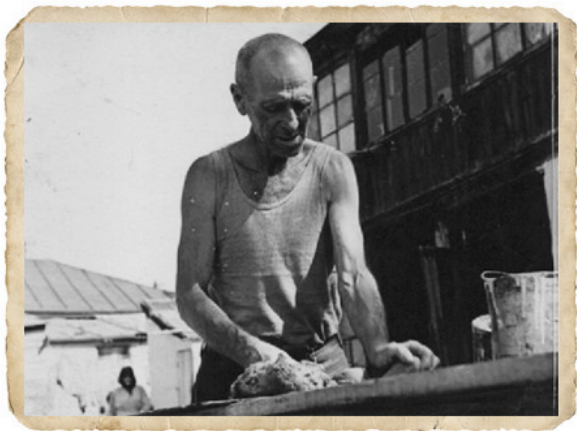
Деду было тогда немногим больше, чем мне сейчас, однако он успел родиться в XIX веке, в 1898 году! Это был высокий подтянутый мужчина с гладко выбритой головой, очень немногословный и с виду даже суровый.



На самом деле он никогда не отказывал никому в помощи, особенно родственникам, которые съезжались со всего Советского Союза, от Молдавии до Якутии, от Москвы до Ташкента, да и, чего греха таить, часто брали у него в долг. В нагрудном кармане у деда всегда лежали складной метр и алмаз для резки стекла, за ухом торчал маленький остро отточенный карандаш. Деда Лёву на Центральном рынке знали все – он был лучшим стекольщиком. С утра шёл на рынок, где с другими стекольщиками принимал заказы. Часто ходили стеклить окна, двери по всему городу. Кстати, дед внёс свою лепту и в съёмки «Олеко Дундича»: была сцена на базаре, в которой «красные» дрались с «белыми» и при этом громили лавки, а Лев Фроимович после каждого дубля стек-

лил окна – благо жил напротив. Вообще это был очень рукастый мужчина, всё, за что ни брался, делал с толком и расстановкой. Дед быстро и профессионально резал кур и петухов. Ему приносили птицу из соседних дворов, возможно, он был из потомственных шойхетов (резник в иудейской общине). Не знаю, какое у него было образование, но писал дед Лёва мелким красивым почерком, по вечерам читал газеты, слушал радио (у нас был большой ламповый приёмник-проигрыватель пластинок), короче, всегда был в курсе всех событий.

Дедушка и бабушка, как сейчас выражаются, двуязычные – очень часто между собой и со знакомыми-евреями говорят на идиш. Мне почти ничего не понятно, но нравится. Старшая сестра чуть продвинутей меня и по прошествии многих лет помнит отдельные слова, берёт даже в руки самоучитель идиш. Дед часто по приёмнику слушает «вражеские голоса», всем сердцем болеет за молодое еврейское государство – Израиль, агитирует папу ехать туда. На вопрос, почему сам не хочет ехать, отвечает, что уже старый.



Большую часть свободного времени он проводил в подвале. Нет, это не подвал – для меня, маленького мальчика, это пещера Аладдина! До сих пор закрываю глаза и вижу простенькую деревянную дверь со щеколдой, войдя в которую попадаешь в сказку. В верхней, наземной, части – верстак, рабочий стол, на стене аккуратно развешены пилы, ножовки, рубанки, другие инструменты. Справа от входа под углом вниз уходит земляной пол: там уголь, дрова, в сундуке – картошка на зиму, лук, в бочонках – квашеные капуста, огурцы, бурые помидоры, на полках – бутылки и банки с вишневым и айвовым вареньем. Надо всем этим – деревянная лестница вверх, в квартиру на 2-м этаже. Когда её жильцы спускаются по ней во двор или поднимаются наверх, ступени скрипят и даже голоса можно слышать. В подвале всегда прохлад-

но, даже летом в жару. Спустившись в самый низ, попадаешь в настоящую пещеру с высоким потолком. Здесь лежала большая колода, на которой рубили дрова. Вправо из пещеры шёл арочный ход, но пройти по нему можно метра три, дальше проход был засыпан. Как узнал позже, весь старый центр города стоит на таких арочных ходах, их до сих пор находят при строительстве новых зданий на месте старых разрушенных, в некоторых устраивают бары и другие питейные заведения. Поговаривают, такие ходы идут до самого Днепра, а есть и такие, что под Днепром, на левобережье. Включите фантазию: какие сюрпризы там могут ожидать историков, археологов и кладоискателей...

Мы стали очень быстро жить, быстро переезжать с места на место, быстро забывать дворы нашей юности. А с каждым таким двором, домом, подвалом уходит частичка нас, и её уже не вернуть. Иногда мне очень хочется спросить у Него: «Господь, после нескольких тысячелетий истории человечества, после всего, что Ты видел, захотел бы снова создать человека?! Надеюсь, вы понимаете, о чём я... Да, именно об этом: о расовой, национальной, межгосударственной, религиозной ненависти; о тысячах болезней, которые сами создали; о маниакальной настойчивости, с которой уничтожаем всё окружающее; о зависти и злобе, которая приводит к четырём миллионам доносов. И это далеко не полный список «подвигов» homo sapiens. Я родился через 15 лет после войны, большой войны, самой большой войны в истории

человечества. Она страшным, неумолимым катком прошла по судьбам людей, и моих родных тоже.

Мы довольно рано узнали, что бабушка Лиза нам не родная, хотя всегда её считали таковой. Оказалось, что она – тётя нашей мамы, а мама – стопроцентная одесситка с Пересыпи. В июне 1941-го десятилетняя Ида приехала в Херсон на каникулы к тётё – папиной сестре, и родному дедушке, жившему на Забалке, к которому через день ходила обедать. Началась война, очень быстро добралась до юга Украины. Тётиного мужа призвали в армию. Тётя, взяв Иду и своего полугодовалого сына Фиму, в последний момент ушла пешком в Николаев, там сели чуть ли не в последний поезд, уходящий на восток. У мамы даже одежды не было тёплой, ведь ехала летом ненадолго из Одессы в гости. От маминой семьи остались только портреты: большой – брата и в медальоне – папы, маленькое фото трёх детей. Погибли и мама с папой, и старшие сестра Сарра и брат Эмиль. Так случилось, что мы с сестрой никогда не видели родных дедушку, бабушку, тётю и дядю... Мама наша так и осталась жить после войны с тётёй, возвращаться было некуда. Много лет спустя мама с моей сестрой Фаиной были в Одессе и даже нашли тот двор, в котором мама жила до войны. Но зайти туда она так и не смогла, не хватило сил... Пишу это, и дрожит рука. Муж тётёи Лизы тоже пропал без вести. Спустя некоторое время Лёва, как тогда говорили, сошёлся с Лизой (он был постарше, вся его семья погибла во время войны).



Он очень помог Лизе с маленьким Фимой и нашей, тогда 14-летней, мамой. Поэтому для меня всегда он был самым настоящим дедом, ведь других дедушек я не знал. У меня уже давно никого нет из старших родственников: ни бабушек, ни дедушек, ни родителей. Трудно представить, через что прошли эти люди. И я с очень тяжёлым сердцем наблюдаю в последние годы, как из памяти о них пытаются иногда сделать шоу. Грустно смотреть на «ветеранов» и «детей войны» моего возраста и моложе. Но пена сойдёт, верю в это.

А пока – квартира №15 на улице Советская, 42, ещё живёт своей жизнью. Зимой у нас тепло: печка топится, две комнаты груба обогревает, на печке и готовить можно, и утюги нагревать (было таких два, старых чугунных). Мылись в корыте. Ходили и в баню общественную, ту, что возле базара. Там было жарко, шумно, многолюдно... Души, тазики, на полу – деревянные щиты, под ними по плитке бежит вода, стекает. После бани идём по тёмным холодным улицам домой. Идти недалеко – два квартала. Дома по сравнению с улицей очень светло и тепло, пьём чай за длинным столом в центре комнаты, под люстрой. Потом достаём лото: карточки, бочонки с цифрами, играем на копейки. Дед Лёва не участвует, чай пьёт из самовара, с сахаром кусковым, который колет щипцами. Деревянные ставни на окнах закрыты изнутри – и мы как будто в маленьком тёплом ярком пространстве, отделённом от всего мира. Если я когда-нибудь попаду в рай, хочу, чтобы он был именно таким.

А теперь, как и обещал, возвращаемся к наименованиям улиц. Человек, конечно, ко всему привыкает, он по природе своей ретроград. Отец мой всю жизнь называл проспект Ушакова (центральную улицу нашего города) Говардовской (название, существовавшее до 1947 года). Для меня тоже улица моего детства, наверное, останется Советской, а не Ярослава Мудрого по новой версии. Ну не хватает у нас здравого смысла, чтобы назвать раз и навсегда. И действительно – в советской стране одну из улиц наименовали «со-

ветской», а остальные значит не советские, а может, хуже того – «антисоветские». Встречал я и улицу Социалистическую... Представляете, дать улице название строя! Сразу приходит в голову: «Где проживаете, молодой человек?» «Я живу на углу Рабовладельческой и Феодальной, в Первобытнообщинном переулке». Не знаю, чем не угодила в своё время, например, Торговая, но в один прекрасный день она стала 21 Января. Вот так просто, без года, только число и месяц. Более того, она пересекалась с другой «январской» подружкой по несчастью – 9 Января! Это какими же надо быть «оптимистами», не такими сдержанными, как я, а «феерическими», чтобы верить, что через несколько десятилетий люди будут помнить день смерти В. Ульянова и день похода к царю рабочих, возглавляемых попом Гапоном! Кстати, я проверял, подавляющее большинство или не знает, или не помнит. Эх, вспоминаю замечательный французский городишко Сент-Этьен-дю-Рувре: идёшь по улице Роз, сворачиваешь на улицу Фиалок, пересекаешь улицу Хризантем... Наша действительность куда более сурова: еду по улице Ильича. Да, назвали не фамилией или революционной кличкой – этого в наших городах хватало, а оригинально – отчеством. Тут уже полёт моей фантазии не остановить: мне мерещатся улицы Петровичей, Сидоровичей и т. д. А если бы он был узбеком? «Приходите к нам, на Турдумаматовича, 19, чаю попьём».

Есть у меня тут и шкурный интерес. Живу я на улице

Гмырёва. Знаете такого российского революционного поэта? Нет? А зря. Он умер в херсонской каторжной тюрьме в возрасте 24-х лет. Читали что-нибудь из его произведений? Не думаю. А моё сейчас читаете. Так почему бы не назвать улицу моим отчеством – улица Борисовича, нет, лучше Борисыча!

Редко сейчас достаю альбом с фотографиями тех лет и каждый раз удивляюсь живости и природности чёрно-белых снимков.



Нам повезло, фотографий много: папа до пединститута работал в интернате, помимо того, что преподавал, дежурил в спальном корпусе, вёл ещё фотокружок для старшеклассников. Иногда на выходные, праздники приносил фотоаппа-

рат домой, снимал нас, родственников.

Держу в руках фото сестры.



Ей года четыре, настоящая барышня-крестьянка: демисезонное пальто, бабушкина косынка на голове. Сестра вспоминает, что сидела на корточках возле нашей двери, рисовала на земле. Слышит, позади папин голос: «Что это за бабушка тут у нас?» Она оборачивается, улыбается – папа фотографирует. В очередной раз говорю себе, что надо отсканировать и оцифровать старые снимки. Некоторые уже сделал, но вообще действую по принципу: «Не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра».

Очень многое ушло безвозвратно и осталось только в памяти...

– Фаина, а сколько было у бабушки слоников, ну тех – из слоновой кости или из мрамора?

– Семь, конечно, счастливое число.

Вы тоже помните эту картинку: на буфете белая выбитая салфетка, а на ней стояли друг за другом, от самого большого к самому маленькому, семь слоников в одну линию? Не поленился, узнал, к чему был этот так называемый мещанский символ. Оказывается, в нашей стране мы так почитали индийское божество Ганешу с телом человека и головой слона. В индуизме это – символ мудрости и литературы. Не спрашивайте, что обозначают семь аналогичных рыбок или лебедей. Одно знаю точно – завод стеклотары на них очень поднялся. А сейчас проглотите слюну! Газированная вода с вишнёвым или малиновым сиропом у продавщиц под навесиками – сказка! Нет, я не ностальгирую, помню и стояние в длинных очередях за гречкой или мукой. Бабушка брала сестру или меня в эти архиважные походы – ведь давали только по одному килограмму в одни руки. Да, кстати, пластиковых пакетов не было, вообще... Все ходили с холщовым сумками, сетками. Ну и самое экзотическое воспоминание: летом по дворам ходит человек со станком на плече. Останавливается посреди двора: «Кому точить ножи-ножницы...» Женщины выносят кухонные ножи и «парадные», для гостей, ножницы для стрижки ногтей и для шитья. Точильщик приводит в движение станок: ногой плавно на педаль нажимает (носок-пятка, носок-пятка), руками водит предме-

том по точильному камню, искры летят.

Мы, мальчишки, стоим рядом, зачарованно смотрим, мечтаем о такой работе – романтика! В 1960-х они ещё были, позже не видел.

Мои встречи со двором, домом и подвалом были не ежедневными, но довольно частыми даже когда мы с родителями там уже не жили. Навещал сначала деда с бабушкой, потом только бабушку, когда деда не стало. Моей постоянной заботой тогда была переноска угля, закупленного на зиму и высыпанного горой во дворе, в подвал. И всё-таки не могу сказать, что попрощался со двором так, как следовало бы – при «последнем его вздохе» не присутствовал. А может, это и к лучшему.

Р. S. Разрушен двор, разрушен, в сущности, целый квартал – от Торговой до Рабочей. Когда представляю эти уже несуществующие дворы, вспоминаю кадры из «Покровских ворот»: огромная чугунная баба бьёт по стенам, и умирают вместе со стенами вещи, не вывезенные хозяевами. Грустно... Сколько там осталось вещей, казавшихся ненужными уже, устаревшими: от часов с кукушкой и маятником, радиолы до дубовых столов – письменного и обеденного. Теперь их так жаль!.. Да что там вещи, в этих дворах целые жизни прошли. Одно знаю точно – до конца своих дней с тихой, светлой грустью я буду вспоминать тебя, ДВОР МОЕГО ДЕТСТВА.

Глава II. 1909 ОСТЬ

Областной сборный пункт встретил распахнутыми воротами с голым безмолвным плацем. Трудно было представить, что ещё неделю назад здесь кипела жизнь со всеми её страстями: прощаньями с поцелуями, угощаньями с водочкой, с песнями под гитару и со слезами, как же без этого. Хотя чему удивляться в первый день зимы – осенний призыв закончен. Капитан средних лет, сидевший за столом, заваленным документами, поднял на меня глаза, в которых читался вопрос: «Можно тебе доверять, парень?»

– Светлово знаешь, где находится? – спросил он.

– Возле Каховки где-то, – ответил я.

– Сам доедешь? Там находится штаб полка.

– Доеду, конечно.

– Вот документы, не потеряй.

И капитан объяснил, как от остановки дойти до штаба. Вот так 1 декабря 1981 года я поехал служить, один на рейсовом автобусе.

Чтобы лучше понять историю, надо знать предысторию, поэтому вернусь на несколько месяцев назад, так сказать, в мирные гражданские будни. Тех, кто думает, что проблемы с сельскими учителями возникли в «незалежній», спешу разочаровать – в Союзе они были не менее актуальными. По сложившейся традиции государство решало их методом

кнута и пряника. «Пряником» было внеочередное поступление в пединституты жителей села. Например, у нас на физмате им было достаточно не сдать экзамены на 2. Предполагалось, что они вернутся учителями в свои сёла. Эффективность «пряника», по моим подсчётам, составляла не более 10%, так как даже возвращавшиеся далеко не все работали учителями. Большинство же, особенно девчонки, оседали в городе. «Кнут» работал лучше: уже в феврале на последнем курсе проходила акция под названием распределение. На ней решалось, где ты будешь отрабатывать свою 2-годовалую трудовую повинность после института. Как вы понимаете, получить распределение в городскую школу было практически нереально. Моё же положение усугублялось тем, что я хорошо учился, да ещё и отец работал доцентом кафедры физики в этом же институте. Помните из истории, как гладиаторы приветствовали Цезаря: «Идущие на смерть приветствуют тебя!»? Примерно так я шёл на распределение. Предчувствия меня не обманули.

– Игорь, вы у нас лучший, а значит должны показывать пример. Что вы думаете по поводу села Рубановка Великолпетихского района?

– Покажите на карте, – попросил я, но внутри у меня была уже абсолютная пустота. Я наблюдал со стороны, как молодой человек, похожий на меня, подходит к карте и почти равнодушно смотрит на маленький кружочек на краю области в двухстах километрах от дома.

Интересно, что «кнут» тоже имел привкус «пряника» для тех, кто не хотел служить, – учителей из сёл не призывали вообще. То есть до 28 лет проработал – и ариведерчи почётный долг. Но это был явно не мой случай. Во-первых, я служить хотел и даже конкретно в спортивной роте, потому как занимался плаванием сколько себя помнил, был неоднократным чемпионом области, плавал за институт на чемпионатах среди вузов и вообще был малость на этом «помешан». Во-вторых, да простят меня сельские жители, ну городской я до мозга костей, у меня даже бабушки с дедушкой в селе не было, к которым бы я на лето ездил. Не для меня это. Позднее своими мыслями о спортивной роте и дальнейшей тренерской деятельности я поделился со своим тренером, которому уже активно помогал с молодёжью. Неожиданно Петрович опустил меня с небес на землю: «Игорёк, преподавай свою физику. Плавание в этом городе никого не интересует, они культивируют греблю, гимнастику, борьбу». Да, не поспоришь, Петрович как в воду глядел. Это, конечно, внесло смятение в мои дальнейшие планы на жизнь, но прохождения службы не отменяло. Осталась самая малость – дожидаться осеннего призыва. Ну а пока, сдав на «отлично» госэкзамены и «обмыв» диплом, решил поработать на судозаводе, в ЭМО (энерго-механический отдел). С заводом этим был знаком с раннего детства, так как на нём всю свою жизнь работала моя мама, к тому же присутствовал на спусках нескольких судов, да и подрабатывал, будучи

студентом, в ЖЭКе судозавода. Так как моя заводская карьера длилась всего два месяца, то впечатлений на отдельную главу не хватит. Но на то они и есть заметки, чтобы сосредоточиться на ключевом. А ключевой на судозаводе, как и на любом предприятии, была пропускная система. Очень важно вовремя зайти и вовремя выйти, остальное не принципиально. Над центральной проходной где-то до 7:50 светилась надпись: «Вы пришли на работу вовремя. Успехов в труде!». С 7 часов 50 минут: «Вы опаздываете. Поспешите!». С 8 часов: «Вы опоздали на работу. Вы подвели своих товарищей!».

В первый день пришёл пораньше, чтобы не подводить товарищей, я вообще не люблю опаздывать. Мне показали мой стол в кабинете, рядом сидели ещё человек 5 за такими же столами. Посвящать в тонкости работы меня не спешили, поэтому огляделся... У каждого из моих коллег на столе лежало несколько листов бумаги, а рука с ручкой между пальцами подпирала щеку. Все они смотрели вниз, в выдвинутые ящики столов. Когда дверь распахивалась и появлялся начальник отдела, ящики задвигались отточенным движением, а ручки начинали выводить на бумаге ряды цифр. На второй день, а я учился быстро, мой ящик стола с книгой в нём работал синхронно с остальными. Мне объяснили суть моей работы: в основном это были арифметика и отчёты, но и работа с людьми тоже. Некоторые приходили ко мне в ЭМО, но и я часто посещал другие подразделения завода. Идил-

лическая картина в отделе наблюдалась недели две. В один прекрасный день всё резко изменилось: все бегали, кричали, столы были завалены бумагами, даже на обед никто не ходил. В глазах у коллег читалось: месячный отчёт!!! После трёх дней «штурма» жизнь возвращалась в спокойное русло. А через месяц всё повторялось, и так из года в год. Снимаю, конечно, шляпу перед сварщиками, сборщиками, малярами и другими трудягами, благодаря которым со стапелей сходили до 12 судов в год. Вы когда-нибудь были на спуске судна, например, сухогруза или огромного лихтеровоза? Фантастическое зрелище!

В один не прекрасный день меня вызвали в заводской комитет комсомола. Главный комсомолец, предложив сесть, сказал: – К нам поступил сигнал, что вы не поехали по распределению в село. (Через несколько дней я установил источник сигнала – «милая» женщина, соседка по Жилмассиву, сотрудница бюро пропусков, встретив меня на заводе, долго расспрашивала, что да как).

– Ну, во-первых, ещё лето, а во-вторых, я иду служить.

– Вы же понимаете, что мы должны отреагировать, вам придётся уволиться.

Так впервые я столкнулся с любимой забавой советских людей – писать доносы. Базовый принцип цивилизации – не лезть в чужую личную жизнь – здесь не работал, ибо личной жизни не существовало.

Ракета, Днепр, ветер в лицо... Я лечу к новым приключе-

ниям в неведомом мне населённом пункте Рубановка. О чём действительно сейчас сожалею и что хотел бы возродить из тех времён – весь этот флот на подводных крыльях: ракеты, кометы, метеоры, вихри. Поездка на них – мегаудовольствие. Вот и причал Великой Лепетихи, району, дежурные фразы: поздравляем с прибытием... бла-бла-бла... Автобус на Рубановку, встряска после ракеты и четырёхчасовое путешествие закончено. Детище казака Рубана удивило своей огромностью. Это было село с четырёхтысячным населением и тремя колхозами. Как, вы думаете, они назывались? Сейчас скажу, но сначала – анекдот, старый анекдот.

Идёт общее собрание вновь созданного колхоза. Председатель: – Как назовём наше хозяйство? Агроном: – А давайте «Дело Ильича». Председатель: – Уже есть, недалеко от нас. Доярка: – А может, «Красный Октябрь»? Председатель: – Не пойдёт, в соседнем районе такой. Выпивший конюх: – А давайте он будет называться «Лопе де Вега». Председатель: – А чего так? Конюх: – Так больше похоже на «А пошли вы все!...»

Так вот, колхозы назывались «Шлях Леніна», «Червоний Жовтень» и «Имени XIX съезда партии». Очень приятная женщина, завуч школы, встретила, что называется, с распротёртыми объятиями. За одну минуту мне было обещано всё: полторы ставки, кабинет, классное руководство. Я не мог вставить ни слова, только когда дело дошло до женитьбы, дома и хозяйства, осмелился произнести: «Извините, но я

иду служить». Она улыбнулась, пожалала плечами и сказала: «Ну що ж, Батьківщину треба захищати». А посему дали мне только физику в седьмых классах и отправили селиться к бабушке Федоре. Сухая, очень подвижная пожилая женщина жила одна, поэтому была рада новому жильцу. Дом был маленьким, типично сельским, в две комнаты и с удобствами во дворе. Когда хозяйка сказала, что в моей комнате есть «световой приёмник», я, грешным делом, подумал про телевизор. На самом деле это была радиола с уверенным приёмом «Маяка» и Бухареста. По крайней мере со мной в комнате кто-то разговаривал. Уроков было мало, поэтому приходил домой рано и абсолютно не знал, чем себя занять. На второй день взял в школьной библиотеке «Трое в лодке, не считая собаки». Я возлежал на большой высокой кровати, читал в сопровождении радиопередач «Маяка» и смеялся на полсела, короче, медленно сходил с ума. Также ежедневным занятием был поход на почту для звонка домой – узнать, пришла ли долгожданная повестка. Самых ярких впечатлений из моей недолгой сельской жизни два: это жители, которые с первого дня здороваются с молодым учителем и покажут, и расскажут, как пройти в школу, чтобы обувь осталась чистой; и это ловкость, с которой бабушка Федора скручивала шеи голубям (кстати, там впервые попробовал голубятину). И вот в один из осенних дней, получив сообщение, что повестка пришла, я по уже сложившейся традиции стукнулся головой о дверную коробку, собрал вещи, попрощался с Фе-

дорой и отправился домой.

Призывная комиссия! Как много в этом слове для сердца юноши слилось, как много в нём отозвалось! Неимоверное количество анекдотов на эту тему, и ни одного приличного. Как я понимаю, все призывники поделились на три категории: здоровые, больные и «косящие». Наибольший интерес для меня представляли последние, так как они обладали огромным творческим потенциалом. Был у меня один хороший знакомый Гена. Так вот он за год до описываемых событий достал кучу книг по психиатрии и начал тренироваться. Это был настоящий профессионал, разбиравшийся во всех тонкостях, вплоть до того, на сколько миллиметров должен быть прищурен один глаз! По моим сведениям, он так и не служил, но вынужден был каждый год до 28 лет демонстрировать свой талант. Вообще я бы таких людей не призывал, их надо было брать в элитные разведшколы. Ну а у меня, кто бы сомневался, начались проблемы с моими хроническими заболеваниями. По гаймориту, заработанному на плавании, я отделался лёгким испугом – ограничением от службы в районах Крайнего Севера, а вот по бронхиту с астматическим компонентом пришлось лечиться в больницу. Повезло, что в тот момент я был абсолютно здоров. И вот он, последний кабинет, в нём женщина, глава медкомиссии и офицер из военкомата.

– Призывник Малинский, – представился я.

– Что будем с вами делать? – врач с сомнением посмотре-

ла на меня.

– Я хочу служить.

– Да, но у вас диспансерный учёт по бронхиальной астме, – и она тыкнула пальцем в мою толстенную медицинскую карточку, перечёркнутую наискосок широченной зелёной линией.

– Это было в детстве, я перерос, я КМС по плаванию.

– Вы действительно хотите служить? – настойчиво повторила она.

– Хочу.

– Очень похвально, – заметил офицер, переглянувшись с врачом.

– Хорошо, – поколебавшись ещё несколько секунд, сказала врач и перечеркнула ручкой почти всю страницу с перечислением родов войск, оставив только мотопехоту, погранвойска и стройбат.

– Годен!

Осталась самая малость: подстричься «под ноль», попрощаться с друзьями-товарищами и с вещичками 28 октября явиться на сборный пункт. Тут случился небольшой курьёз. Мой друг детства Юрчик после двух бокалов пива уверенно так сказал: «Маля (это моё прозвище), ты с нами ещё ноябрьские праздники отгуляешь». Я отнёсся к этому с юмором: «Юрец, в это время я уже в сапогах по плацу гулять буду!» Но... «не так сталося, як гадалося».

Команда на сборном пункте получилась просто заме-

чительная – выпускники трёх вузов: сельхоза, техноложки и педина. Веселье било ключом, все друг друга знали или непосредственно, или через своих друзей. Сто человек то объединялись, чтобы спеть под гитару «Машину времени», то разбивались на кучки поменьше, сидя на корточках, угощались «горячительным». Такое броуновское движение длилось до десяти вечера. Всех построили и начали перекличку. Мы уже знали, что вся команда едет в Николаев, а оттуда – по разным учебкам. Те, кого вызывали, отходили в сторону и строились в колонну. Когда нас осталось человек десять, я начал испытывать смутное беспокойство. Назвали ещё троих... Семь человек, и я в их числе, стояли и смотрели, как команда марширует через ворота сборного пункта в сторону вокзала. На нас вообще никто не обращал внимания. Оправившись от лёгкого шока, зашли в здание за дальнейшими инструкциями. Всё, что мы слышали, – не переживайте, сидите дома и ждите телефонного звонка. Надел спортивную шапочку на лысую голову, забросил рюкзак на плечи и побрёл по ночным улицам домой. Если описывать моё состояние одним словом, я бы выбрал «подвешенное».

С одной стороны, можно было ещё погулять на гражданке, с другой, хотелось уйти служить с кем-то из знакомых. Да и сидеть, ежедневно ожидая звонка, – не лучшее занятие. Вот и ноябрь заканчивается, двоих ребят из оставшихся забрали, об остальных не знаю. Отец начал «закипать», надел свои орденские планки и пошёл к облвоенкому. Я его напут-

ствовал: «Только не стройбат». Вернулся батя очень злой, оказывается, его военком ещё и отчитал: «Ваш сын с высшим образованием, поэтому должен идти в сержантскую учебку следующей весной!» На следующую весну отец не согласился, в результате я получил что? Правильно, стройбат!

В штабе полка меня надолго не задержали: «У вас высшее образование, ещё и физмат, будете нормировщиком при штабе. Но пока нужно пройти школу молодого бойца и принять присягу, а у нас одна только такая рота в батальоне, которая стоит в пгт Новоалексеевка Генического района». И дальше та же фраза, что и на призывном: «Сам доедешь?» В батальоне потом шутили, что я в армию на велосипеде приехал. Военская часть располагалась прямо возле трассы и издали мало напоминала военный объект. Это было обычное длинное пятиэтажное здание с небольшим заасфальтированным двором. С одной стороны часть ограничивалась кирпичным двухметровым забором, с остальных трёх сторон – обычной сеткой-рабицей. Подойдя ближе, можно было заметить характерные плакаты с воинской тематикой. Асфальт был расчерчен белой краской, как подобает строевому плацу. Перед ним в центре возвышалась небольшая трибуна с флагштоком. Батальон находился прямо посреди микрорайона, и любопытные могли с балконов девятиэтажек наблюдать за нашей армейской жизнью. Кстати, офицеры проживали тоже в этих домах. Первое знакомство с армейской реальностью оказалось шокирующим: я с сопровождающим

направлялся на получение военной формы, как раз в этот момент сотня новобранцев неслась по лестнице в свою казарму. Выглядело это не очень, учитывая, что на лестничных клетках стояли по два сержанта и с криком: «Бегом, салабоны!» размахивали своими ремнями, поочерёдно прикладываясь к бойцам. Не помню, о чём я тогда подумал, да и думать особо было некогда. Быстро получил зимнее бельё, «повседневку», намотал портянки (отец научил ещё дома) и нырнул на полтора года в армейскую действительность. Да, забыл упомянуть, после института тогда служили полтора года, если не было военной кафедры в вузе. Теперь немного о стройбатах. Появились они в конце Великой Отечественной войны, когда надо было восстанавливать разрушенное хозяйство после ухода немцев. Кстати, высшее армейское руководство часто выступало против существования этих подразделений с несвойственными армии функциями. Но существовало очень много строек, куда гражданские рабочие не спешили – как, например, отечественные космодромы. В результате число стройбатовцев росло, и к началу 1980-х, когда служил я, их было около 400000. Чтобы вы оценили эту цифру, скажу – это больше, чем ВДВ, морская пехота и погранвойска, вместе взятые! Сами мы иронично называли свои войска «королевскими», а когда спрашивали: «Где служишь?», отвечали: «В элитных войсках. Нам даже оружия не выдают». На эмблеме же у нас был бульдозер с якорем снизу и молниями сверху. Что это означает? Моя версия

такова: «Строим везде – на суше, под водой и в небе!»

Ну а моя часть называлась 1909 ОСТБ (отдельный строительно-технический батальон), подчинялись мы «Укрводстрою» и основным нашим занятием было строительство каналов. Но об этом чуть позже. Наша третья рота размещалась на 3-м этаже, а мой I взвод – в самом начале казармы. Кровати были двухъярусными, а так как я прибыл в часть последним, то и получил соответствующее место под солнцем. В обычной жизни это большого значения не имеет, может, наверху даже лучше... Однако курс молодого бойца к нормальной жизни отношения не имеет. Сержант Ешмуратов, растягивая слова, командовал: «О-т-б-о-й! Р-а-з, д-в-а, т-р-и, не успеваем. П-о-д-ъ-ё-м! Р-а-з, д-в-а, т-р-и, не успеваем. О-т-б-о-й!»



Тридцать пацанов прыгали в свои кровати и выпрыгивали из них, я, естественно, во второй ярус. Это длилось минут пятнадцать, и это был мой первый отход ко сну в армии. В этом месте я должен сказать о двух святых вещах в Советской Армии: во-первых, это сон, во-вторых, еда. Стройбатовская еда – это отдельная тема для разговора, мы обязательно её коснёмся. А сейчас о сне. «Солдат спит – служба идёт». Фраза эта знакома многим, но не все знают, как она работает. Могу вам сказать, что ещё год после возвра-

щения из армии я засыпал в любом транспортном средстве, и не важно было, на полчаса или на 5 минут. Это связано с тем, что на службе я спал везде: в бортовой машине, которая везла нас на объект и с объекта, в попутках, когда я был нормировщиком, стоя, сидя, лёжа – не имело значения... Однако в первые две недели я практически не спал – и это была сознательная «китайская» попытка. А чего, собственно, ожидать интеллигенту после института в стройбате?! Командир моего взвода прапорщик Колесников невзлюбил меня сразу. Это был довольно симпатичный мужчина 30-ти лет с коротко подстриженными усиками и язвительно-циничным выражением лица. В первый же день перед строем он заявил: «У нас тут появились сильно грамотные». Дальше – веселее. Как только он заступил дежурным по роте, я был поднят с кровати и, стоя в одном белье, учил обязанности солдата. Смысл, как вы понимаете, был не в этих обязанностях, а чтобы я пару часов не поспал. Через день он всунул меня дневальным по роте. У меня есть такая черта характера: всё, за что берусь, делаю хорошо. И несение службы у тумбочки, и чистота в казарме – всё было на хорошем уровне. Но за три часа до смены дежурный по роте сержант Нурумбеков снимает меня с наряда – и через три часа я заступаю по новой уже с сержантом второго взвода Стрицким. Идут вторые сутки без сна. Позже я узнал, что это происки моего прапорщика, он поставил перед сержантами задачу загнобить Малинского. Но я оказался твёрдым орешком.

Помните Ильфа и Петрова? «Ночью к нему явилась царица Тамара...» У меня было примерно так же, но мне явились стихи. Во вторую подряд бессонную ночь на тумбочке под мелодию рок-оперы «Иисус Христос – суперзвезда» явились стихи:

Мимо проходят и беды, и радости,
В окнах вагонных мелькают года.
Нам ещё рано думать о старости,
Но и о ней нужно помнить всегда.
Пусть всё в жизни прекрасно —
Рано иль поздно придёт седина.
Вспомни каждый свой праздник,
Каждую каплю хмельного вина.
Мы научились страдать и надеяться,
Вечно любить, забывать навсегда.
Жизни корабль пошёл на снижение —
Скоро посадка, не знаем, куда...
Пусть всё в жизни прекрасно —
Рано иль поздно придёт седина.
Вспомни каждый свой праздник,
Каждую каплю хмельного вина.

Для 21-летнего парня это было круто. Вскоре чёрная полоса сменилась белой. То ли прапор понял, что так ничего не добьётся, то ли командир роты сказал ему «пару ласковых», а у него на меня были свои виды. В общем, жизнь входила в более или менее нормальное русло. Человек – су-

щество социальное и всегда ищет контакты с окружающими, в армейском замкнутом мире это особенно важно. Должен быть кто-то, на кого можно опереться и с кем можно поделиться. Первое время все такие братства и группировки собирались по принципам землячества или национальности. При беглом рассмотрении этого вопроса с обеими позициями у меня было не очень. В роте нас, херсонцев, оказалось четверо: Саня Скакун – 27-летний такой себе «бравый солдат Швейк», после физмата, как и я, держался он несколько отстранённо, да и его особо никто не трогал; сержант 3-го взвода Витя Богомольников, познакомились мы сразу, но первое время он всё же был сержантом; Игорь Кваша – мутная личность, о его «подвигах» будет дальше; ну и, собственно, я. Других представителей Украины в нашей роте не было. Что же касается наций и народностей, стройбат бил все рекорды – только в нашем батальоне их было 55! Конкретно в роте – около пятнадцати: узбеки, киргизы, казахи, латыши, армяне, русские... Я – эксклюзивный, в одном экземпляре. Интересный случай произошёл на второй день службы. Рота, как обычно, неслась на III этаж в казарму исключительно бегом. Перед лестничной клеткой между вторым и третьим этажами скорость значительно уменьшалась. Подняв глаза, я увидел стоявшего посреди потока новобранцев большого, двухметрового смуглого парня с орлиным носом, он был, как скала, которую обтекает бурный поток. Воин всматривался в лица, как бы ища кого-то. Когда он уви-

дел меня, глаза у него вспыхнули. Положив руку мне на плечо, он спросил: «Ты кто по нации?» «Еврей». «Слава богу, ещё один. Я Кешок Ягудаев из Пятигорска». Кешок относился к этнической группе так называемых горских евреев, которые проживали на Северном Кавказе. Он был из 2-й роты, на год старшего призыва и весьма авторитетным. Вплоть до его дембеля мы с ним дружили, когда приезжали мои родители на присягу, я его звал посидеть с нами. Несмотря на размеры, он был очень добрым, стеснительным парнем. Один раз очень помог мне.

Ну а дружба, как говорится, сама себе дорогу проложит, и всё будет так, как оно должно быть. С первых дней мы нашли друг друга, причём в одном отделении: Саша Казюпа и Толик Малёванный из Невинномысска Ставропольского края. Ребята были весёлые, с прекрасным чувством юмора, в общем, наши люди. Толик с самого начала был назначен каптёрщиком и пробыл им почти до конца службы. Каптёрщик в армии – большой человек, на мой взгляд, один из главных людей в роте, включая и офицеров с прапорщиками. Это, конечно, если голова на плечах есть, а у Толика она была. Где-то так через неделю после начала службы Толик подошёл после отбоя и сказал, чтобы я не засыпал. Через часик мы втроём отправились в каптёрку и перекусили «чем бог послал» – Толик был хранителем многочисленных посылок и имел свою долю за хранение. Кстати, если бы не он, то получателям посылок не досталось бы вообще ничего. Пару раз

наблюдал, как бойцы, получив на КПП посылки в выходной день, когда все были в роте, заносили их в казарму. Дальше рассказывать? В лучшем случае хозяину посылки доставалась пачка сигарет без фильтра и несколько шариков твёрдого солёного козьего сыра. Это стройбат, ребята! В дальнейшем кто был попроворнее, получал посылки на гражданских, ведь все работали на каких-то объектах вне части.

После долгоиграющей пластинки двух подряд нарядов по роте я, наконец, выспался, но уже на следующий день перед вечерней поверкой меня вызвал командир роты капитан Зайцев.

– Игорь, ты у нас – самый грамотный, нужно заполнить книгу роты красивым почерком. На построение не иди и после отбоя останься, попиши.

– А как же «на вечерней поверке должен стоять даже мёртвый»?

– Я скажу, что ты у меня.

Ротный положил передо мной красивую амбарную книгу и сведения о воинах. В так называемой «Книге учёта личного состава» было несколько граф: ф. и. о., дата рождения, время призыва, образование и пр. Однако у меня в памяти навсегда осталось: Жусунбеков Мамадиман Турдумаматович, 1963 г. р., судимый; через пару строчек – Гасанов Муслим Гасанович, 1963 г. р., дважды судимый. «Куда ты попал, дружище?» – спросил я сам себя. Писал книгу я несколько ночей подряд по паре часов после отбоя и установил, что ребят

с судимостями была почти одна треть. Потом выяснял – статьи были лёгкими: хулиганство, на стрёме стоял, а сроки – условными. В армию можно, но туда, где нет оружия. А значит, добро пожаловать в стройбат! Сразу хочу сказать, что рецидивы были, не всем удалось дослужить до конца.

С одной стороны, две недели до присяги пролетели как одно мгновение, с другой, в них вместились столько событий, сколько их не вспомнить и за год гражданской жизни. В какой-то из выходных, по-моему, в субботу, потому что дело было среди бела дня, наш взвод под руководством сержанта Нурумбекова тренировал всем полюбившийся «подъём-отбой». Как по мне, так лучше бы занялись чем-нибудь полезным – побегали или помаршировали, что ли, но начальству видней. В разгар тренировки в роту зашёл Миша Карагодин из старшей роты, знал его по Херсону только в лицо. Он постоял минуту, посмотрел и спрашивает меня:

– Игорь, тебе не надоело прыгать, ты же уже не мальчик?

– Надоело, – ответил я.

– Ну так заканчивай, – и повернулся к сержанту, – Бека, я Малинского забираю.

– Но мы же тренируемся, – возразил Нурумбеков.

– Ты что, не понял? Я сказал, забираю.

Мы отправились в бытовку 2-й роты, где Миша меня познакомил с несколькими своими друзьями. Мы посидели, выпили винца, и я немного расслабился. Начинал Миша Карагодин нормировщиком роты, ну ему и сам бог велел по-

сле гидрофака сельхозинститута, однако проштрафился, что у нас в батальоне было обычным явлением, и просто ездил с бригадой на работу. В 1990-м вышел фильм «Сто дней до приказа» – о неуставных отношениях в армии. Сценарий по одноименной повести Юрия Полякова для фильма несколько сгладили, иначе цензура бы придиралась. Фильм, как и повесть, поделил страну на две части – одни возмущались существующим положением дел, другие считали это выдумкой и очернением. Когда писал эти строки, специально посмотрел несколько комментариев в Ютубе: «фильм ни о чём», «этого не может быть», «это, наверное, началось в перестройку» и всё в том же духе. Ну что вам сказать, фильм, действительно, слабоват – в нём не показали и одной десятой части той мерзости, что творилась в армии, да и не могли показать, потому что даже в перестроечные времена это не выпустили бы. Даже сейчас, по прошествии почти сорока лет, я в описание тех событий добавляю изрядную долю позитива. Вот вам очередной фрагмент действительности, какой она была. Проходя курс молодого бойца, как я уже сказал, мы весь день очень быстро двигались, не ощущая декабрьского холода. Другое дело ночью. Не знаю, по какой причине, но в казарме было чуть больше 10 градусов С, а так как мы были ещё «салабонами», то утеплиться ночью не представлялось возможным. Забеги на улицу в туалет в одном белье тоже не добавляли здоровья. Поэтому личный состав дружно кашлял и чихал. Зная себя, решил принять несколько таб-

леток, чтобы кашель не перешёл в нечто худшее, и пошёл в медпункт. Подходя к его двери, услышал звуки баяна. Нажал на кнопку звонка, мелодия прервалась, и кто-то громко выругался. Послышались быстрые шаги, дверь распахнулась, старший лейтенант, врач, нанёс мне сильнейший удар ногой в грудь. На мгновение я оцепенел, вихрь мыслей пронёсся в мозгу: первая была – броситься на него и бить, пока он не затихнет, вторая, более рациональная, – «ты солдат, он офицер, придётся отвечать». Наш врач-молдаванин, очевидно, прочитал эти мысли в моих глазах, потому что уже в спину мне, уходящему, кричал: «Товарищ солдат, вернитесь!» А товарищ солдат, злой, как чёрт, поднялся в роту и в ленинской комнате нашёл нашего замполита – старшего лейтенанта Семененю. Не помню дословно, что я ему говорил, но что-то вроде: «Сейчас сюда приедет пол-Херсона – и будет мало места и врачу, и всей этой части!» Угроза подействовала, уже через полчаса я был вызван к комбату, где собрался весь цвет: комбат, начальник штаба, замполиты батальона и роты и, конечно, мы с врачом. Разбирательство длилось недолго, доктор выглядел, как побитая собака, хотя извинился весьма оригинально: «Меня достали за целый день, извините, я не знал, что вы образованный человек». На что я, естественно, ответил: «А что, необразованного можно бить?!» В общем, он начал клясться «в вечной любви и дружбе». Комбат спросил: «Ну что, вы будете давать делу ход?» «Нет, не буду». Все вздохнули с облегчением и, по-моему, даже проник-

лись ко мне симпатией. Сейчас подумал: а ведь я никогда не рассказывал об этом, даже своим домашним.

На присягу приехали родители и друзья. Мама чуть ли не падала в обморок и всё причитала: «Какой худой, только нос и глаза...» Друзья гладили рукой по лысой голове, шутили и немного завидовали мне, ведь почти всем им предстояло идти в следующем году.



– Маля, что самое тяжёлое для тебя в армии? – спросил Юрчик.

– Видеть каждый день проезжающий мимо части автобус Геническ – Херсон.

И это была абсолютная правда. Ну а после присяги жизнь заиграла новыми красками. С утра – развод на работу, и про-

щай, батальон, на целый день! Сейчас скажу фразу, которая может не понравиться представителям других родов войск, поэтому заранее снимаю перед всеми вами шляпу. Однако по моим наблюдениям, служба в стройбате была одной из самых тяжёлых: во-первых, это был минимум 8-часовой рабочий день, во-вторых, службу тоже никто не отменял. Например, помесил ты весь день бетон, вернулся в часть, поужинал и заступил в наряд. Сутки в наряде несёшь службу, потом ночь поспал, а тут суббота! Позавтракали и давай строевой заниматься... «И такая дребедень целый день», как писал Чуковский. Большинство такого рода инициатив, я имею в виду многочасовые строевые занятия по выходным, объяснялись просто – офицерскому составу нечем было заняться. Посудите сами: после утреннего развода на работу бригада садилась в машину – сержанты и прапорщик в кузове с солдатами, старлей в кабине с водителем. Такой дружной командой они и должны были прибыть на объект. Но не тут-то было! После выезда из части машина останавливалась, офицер заглядывал через задний борт: «Ну, вы давайте там, чтобы всё хорошо было, проследите, товарищ прапорщик. Я сегодня занят». За первым же поворотом прапор стучал по кабине, машина останавливалась, мы получали очередные напутствия. В лучшем случае мы доезжали до мест работы с сержантом, и то не всегда. Иногда командир роты или зам по производству и командиры взводов приезжали на объекты после обеда, особенно если этими объектами бы-

ли рыбзавод или винзавод, но чаще встречали нас уже в части. Вполне понятно, почему там они демонстрировали служебное рвение. Не жалуясь – просто констатирую факт.

А мои трудовые будни, как и большинства воинов нашей роты, начались на строительстве жилого дома в Геническе. Стройка была в ста метрах от моря, поэтому для нас, как говорится, две новости – хорошая и плохая. Хорошая – обалденный вид на Азовское море, плохая – пронизывающий до костей декабрьский ветер с моря. Сержанты справились со своей работой за полчаса – показали нам азы кирпичной кладки. После чего они направились в натопленный вагончик, а мы стали тренироваться, периодически греясь у костра. Часика через два вышел Нурумбеков и позвал меня:

– Малинский, зайди к нам в вагончик, сержанты хотят тебя видеть.

Я положил мастерок и под сочувствующими взглядами остальных бойцов отправился за сержантом. В вагончике было жарко и пахло вином. Сержанты, расстёгнутые, с розовыми лицами и добродушными улыбками, встретили меня. На полу под столом стояла пустая бутылка из-под портвейна, на столе – чуть надпитая. В Союзе «три топора» (так называли портвейн из-за трёх семёрок на этикетке – 777) пользовался большой популярностью, так как был креплёным дешёвым шмурдяком.

– Малинский, ты наш годок, нам вместе идти на дембель, выпей с нами. – Нурумбеков протянул мне бутылку.

– Ну давайте с вами, – предложил я.

– Нет, мы уже, – Ешмуратов показал на пустую бутылку.

Долго не думая, я принял позу горниста и влил в себя за один раз примерно 0,7 литра вина. В вагончике воцарилось молчание. Четыре пары сержантских глаз смотрели на меня с изумлением. Первым пришёл в себя Нурумбеков:

– Малинский, ты как в часть заходить будешь?

– Спокойно, на своих двоих, – ответил я.

– Я тебя прикрою, – засуетился он.

– Да всё будет нормально, не переживайте.

Они просто не знали, что для настоящих херсонцев это не доза.



Освоив кирпичную кладку, я пошёл в подсобники к сварщику – это было и интереснее, и над душой никто не стоял. Попробовал поварить, нахватался «зайчиков» и даже один раз «покатался» на плите перекрытия, когда не успел отцепить стропы. В общем, жаловаться на отсутствие приключений не приходилось. В наряды заступал теперь только помощником дежурного по штабу, чаще всего с батальонным

художником Фоминым. В таком наряде и встретил новый, 1982 год. Ребята из старшей роты позвали в полночь на улицу. Несколько человек кавказцев (ингуши, кабардинцы) угостили соточкой чачи, пока над Новоалексеевкой взлетали одинокие салюты.

Я уже почти заснул, когда до плеча дотронулся Бека: «Малинский, не спи, сейчас Казимирыч уйдёт, будете показывать каратэ с Мелёхиным». Я что-то промычал в ответ и представил себе Мелёхина: это был крупный парень из 3-го взвода, с первых же дней назначенный поваром. Кроме того, слышал, что он год занимался каратэ. Сам я на IV курсе прозанимался месяца три-четыре шотоканом. Я не имел в этом виде спорта каких-то амбиций, просто нравились физическая нагрузка, тренировки – они очень отличались от тех, к которым я привык на плавании. Я бы занимался с удовольствием и дальше, но в 1980-м эти занятия были нелегальщиной: сегодня мы занимались в спортзале одной школы, завтра ехали в другой район города, постоянно меняя залы. Всё это было поздними вечерами, и это меня утомило. Однако основные стойки, блоки и удары я освоил. Когда сержанты спрашивали, чем занимался, я без задней мысли поделился этой информацией. Теперь «пришёл час расплаты». Время шло, но ничего не происходило, я снова стал засыпать...

– Игорь, не спи. Мелёхин отказался, но согласился сержант Кан, он 2 года занимался. – Нурумбеков радостно тряс меня за плечо.

Наконец дежурный по роте удалился, и шоу могло начаться. В бытовке были все шестеро сержантов и я. Бытовка светлая, вся в зеркалах, и мы с Каном в белье, похожем на кимоно, – ну чем не картинка для блокбастера! Кореец Кан был очень хорош: пластичный, быстрый, вообще отличный парень, очень мне нравился. Но во время боя нужно быть на чеку, тут не до сантиментов. Мы поработали некоторое время на дистанции, изучая друг друга. Я заметил, что соперник очень любит пробивать ёко гэри – удар ребром стопы в область живота или груди. Один раз он достал меня этим ударом, благодарные зрители сразу отметили это одобрительными криками. Но второй раз я уже был готов к такому: заблокировав его удар скрещёнными руками, я захватил ногу соперника одной рукой, развернув его лицом в пол, и показал удар рукой сверху в голову, сопроводив это соответствующим криком. Но мой крик – это мелочь по сравнению с тем, что творилось в бытовке.

Сержанты очень шумно оценили красоту комбинации, настолько шумно, что дверь распахнулась, и влетел прапорщик Казимирыч, старшина роты.

– Что тут происходит? – заорал он, сверкая глазами.

– Посмотрите, как тут красиво, товарищ прапорщик, – сказал Руслан Исмаилов, сержант 2-го взвода.

– Я сейчас сделаю вам красиво, всем спать, – дежурный был непреклонен.

В феврале небольшой бригадой мы перебрались на стро-

ительство арматурного завода. Здесь поначалу я «кормил» огромную бетоно- и растворомешалку. Готовый раствор загружали в тачки, минимум килограммов по 50 в каждую, после чего бойцы бегом по доскам катили их на верхние этажи. Лестничных пролётов ещё не было, потому это занятие оказалось весьма опасным – одно неверное движение или остановка, и ты летишь с тачкой с огромной высоты. Пронесло, обошлось без жертв. Чуть позже нас отправили на крышу строившегося завода покрывать её пенобетоном. Технология была простая: к железным трубам были приварены топорщица, мы разбивали большие куски пенобетона на мелкие кусочки и распределяли их равномерно по крыше. Хоть крыша была и большой, но за пару-тройку недель управиться можно было. Однако зоркий солдатский глаз уловил, что никто из начальства, включая и прораба, к нам на крышу не спешит, поэтому был выработан свой график работы. Мы приезжали, забирались на крышу и ждали открытия продуктовых магазинов в окрестностях, благо сверху нам было видно всё. Потом гонца отправляли за булочками, конфетами и молоком. Употребив всё купленное, мы часик честно работали, после чего отправлялись в городскую столовую на обед. После обеда сам бог велел полежать, переварить. Дальше, не очень торопясь, ещё часа 2 работали и спускались вниз для отъезда в часть. Однажды, расслабившись, как всегда, после обеда, мы не заметили, что были застигнуты врасплох главным инженером, прорабом и ещё какими-то людьми, ко-

торые наконец добрались до крыши. Они очень возмутились, что крыша была покрыта лишь на одну четверть. Уже на следующий день появилась бригада крымских татар, они работали очень быстро, и воинам филонить в их присутствии было не с руки. К концу недели работа была закончена.

Армия является отражением того, что творится в стране. А то, что происходило в стране в начале 1980-х, у меня большого энтузиазма не вызывало. Но армейская реальность иногда поражала даже меня. Служил у нас во взводе Сваранс – типичный «горячий» латышский парень. Так вот у него в очках стояли линзы, как в бинокле. Недели через 2 после начала службы очки упали, что немудрено, и Сваранс ходил с одной из двух линз, но... и она была треснутой. Парень практически ничего не видел, так как у него было 10% на оба глаза. Я помнил очень хорошо, с каким трудом прошёл медкомиссию, но не везде было так. Сваранс рассказал, что в команде не хватало одного человека, парню написали «Годен» и загребли. Кроме того, наш латыш храпел, нет, это был не просто храп, это было рычание целого прайда львов. Никогда больше в жизни я не слышал таких звуков. Если он засыпал раньше, тебе заснуть уже не представлялось возможным. Мы пытались с этим бороться: укладывали его на левый бок, на правый, на спину, на живот, с руками вдоль тела и за головой – экспериментировали, как могли. Всё было бесполезно – он храпел даже через противогаз. А ещё в роте было человек пять, которые почти каждую ночь мочились под себя.

Им даже определили соседние кровати. Впоследствии дневальные будили их раза 3 за ночь, но за полгода матрацы всё равно сгнили. Вот так людей с энурезом отправили служить. Одного из них, маленького полненького казаха, мы называли Пятницей. Он не говорил по-русски, да я не слышал, чтобы он вообще разговаривал. А ещё он никогда не мылся, сам не мылся. Мы его мыли из шланга. Так вот, Пятница попал в мою бригаду на арматурном заводе. Я был за старшего и вёл бойцов в городскую столовую на обед. Вдруг ребята остановились, и я увидел Пятницу, у которого текло по ногам прямо посреди улицы... Вам описать то, что творилось в моей душе?! Я думаю, не нужно.

Когда это всё видишь своими глазами и читаешь лозунг «Всё во имя человека, всё для блага человека», возникает устойчивое отвращение к системе. Задаю вопрос: «Чем думали горе-медработники, зная диагнозы ребят и посылая их в армию?». А ничем не думали, это же не их дети. Может быть, немного резко, но скажу о них так: быдло, тупое советское быдло.

Суббота! По субботам нас баловали: во-первых, давали по два кусочка жареной рыбы, и это были «именины» для желудка, во-вторых, вечером в клубе на пятом этаже крутили кино. Правда, первые пару месяцев с просмотром фильмов была проблема. Некоторые из воинов подходили к этому процессу, как в известном анекдоте: «А нам кино и не надо, только бы свет выключили». Так вот, минут через 10 после

выключения света в зале начинал нарастать гул, здесь надо было занять стратегические высоты, чтобы тебя не зацепили, то есть выскочить на подоконник. Опять же сверху удобно было наблюдать дальнейшую батальную картину, которая разворачивалась под тобой. Когда дежурный включал свет, можно было лицезреть очередное подтверждение «дружбы народов» – народы «дружили» в основном врукопашную, например, 20 на 20, иногда с применением летающих кресел. Обычно прекращалось это быстро, при свете драться им почему-то не нравилось, и если урон был небольшим, то демонстрация фильма возобновлялась. По второму году службы мы устраивали себе ночные закрытые просмотры для приближённых особ. Раз пять посмотрели «Бездну» 1977 года выпуска по роману Питера Бэнчли.

В жизни всегда есть место празднику. Особенно если это 23 февраля (День Советской Армии), а ты как раз служишь. 22-го вечером я должен был заступить в наряд по штабу. Я уже вышел на развод, когда дежурный по батальону сказал: «Малинский, я снимаю тебя с дежурства, к тебе отец приехал». Вот так сюрприз! Заходя в штаб, а он занимал весь второй этаж здания, увидел перемещавшегося неуверенно вдоль стены майора Носовца, зама комбата по производству. На моё приветствие он только промычал что-то в ответ. Дальше по коридору встретил замполита батальона, тот был тоже хорошо выпившим, но на ногах стоял твёрже: «Иди, там у комбата твой отец».

– Товарищ подполковник, разрешите зайти, – я отдал честь комбату.

– Заходи, – махнул он мне рукой.

Комбат сидел, откинувшись на спинку стула, в фуражке, сдвинутой на затылок, и его лицо излучало абсолютное удовольствие. Кроме него в кабинете был начальник штаба капитан Дерябин – наиболее уважаемый мною, и не только мной, офицер в батальоне, и хороший друг моего отца, его однополчанин Герой Советского Союза Анатолий Коваленко, которого я знал с детства. Папа же деловито разливал водочку. Я обнялся с ним и с Толей (папа всегда так его называл).

– Какой же у тебя прекрасный отец, – сказал комбат, – участник войны, лётчик, приехал к нам на праздник, да ещё не один, а с Героем Советского Союза!

– Завтра после торжественного собрания поедешь с отцом домой. Три дня хватит? – капитан Дерябин посмотрел на меня вопросительно.

– Конечно, хватит, товарищ капитан! – Я уже мысленно расписал свой краткосрочный отпуск.

Нужно было встретиться с друзьями, обязательно ушить по себе форму 52-го размера и ещё много всего. Так через 3 месяца после начала службы я попал домой.

Запахло весной... С первыми весенними днями мы небольшой бригадой перебрались в один из колхозов бетонировать дороги. Собственно, до нас дорог там не было.

В нескольких огромных коровниках содержалось приличное стадо, и все эти животинки много лет подряд удобряли колхозную почву. В общем – было ни пройти ни проехать. Мы выставляли опалубку, затем приезжала машина с бетоном, выгружалась. Кто-нибудь из бойцов, и я в том числе, вскакивал в кузов и вычищал остатки бетона, затем разносили бетон с помощью БСЛ (большая совковая лопата) ровным слоем внутри опалубки. Действовать надо было быстро, чтобы бетон не застыл, тем более что везли его в обычном самосвале минимум полчаса – машин с бетономешалкой тогда ещё в помине не было. После этого в дело вступала тяжёлая длинная виброрейка. Обычно её тянул я с ещё одним солдатом хорошей комплекции – это дело требовало определённой силы и сноровки. Вот так сантиметр за сантиметром конструкция продвигалась вперёд, оставляя за собой ровную поверхность дороги. Сейчас точно не помню, но где-то метров 5 широкой 3-метровой дороги с одной выгрузки получалось. Пока ждали следующую машину, баловались свежим хлебом, молоком и конфетами (местные угощали). Двигались мы достаточно быстро, было приятно видеть результат своей работы. Ну и весна, свежий воздух и, опять же, никто над душой не стоит. В общем, мне там очень нравилось. Если знали, что машины с бетоном уже не будет, и заканчивали раньше, то по дороге в часть заезжали на берег Сиваша, он был рядом. Валялись на песке, смотрели на бескрайнюю водную поверхность, любовались дикой природой. Заметил,

что киргиз Назиев сел на песок, опустил голову и обхватил её руками.

– Что с тобой, Назиев?

– Голова кружится, никогда столько воды не видел.

– А ты откуда?

– Я из Ошской области, там всё не так, даже песок не жёлтый, как у вас, а чёрный.

Разговорился с ним, парень был очень тихий, скромный. Спросил, что собирается делать после армии.

– Надо работать, заработать хоть на 20 баранов, жениться хочу.

– А что, без баранов никак не получится? – усомнился я.

– Нет, калым обязательно, чем больше баранов, тем красивее невеста.

Прослушав ещё несколько сюжетов из жизни в этой республике, я понял, что по сравнению со временем баев и басмачей, фильмы о которых мы так любили смотреть, в принципе ничего не изменилось. Разве что бай теперь назывался секретарём обкома партии.

Как говорил известный комментатор профессионального бокса конца XX – начала XXI веков Гендлин-старший: «Разница в стилях и делает бокс интересным». Действительно, если бы мы все были одинаковыми, жизнь показалась бы совсем пресной. Но иногда попадаются «редкие кадры», особенно в армии, и я продолжаю знакомить вас с ними. Я упоминал уже одного из херсонцев Квашу. Это был рыжий вы-

сокий парень, с которым я пересекался редко, так как он служил в другом взводе. Но однажды ночью меня позвали в бытовку сержанты, чтобы я присутствовал при разборках с земляком. Я был не в теме, но, судя по допросу с пристрастием, который учинили ему сержанты, и ответам Кваши высоким просящим голосом, я понял, что парень наобещал «сорок бочек арестантов». Джинсы, настоящие фирменные джинсы, тогда были ещё редкостью, и Игорёк представился зачем-то своему сержанту большим фарцовщиком, для которого нет ничего невозможного. В результате все сержанты захотели дешёвые джинсы. Время шло, а обещание не выполнялось, и вместо дешёвых джинсов получился дешёвый авторитет. Но это были ещё цветочки, ягодки ожидали впереди. В один из дней прямо в казарме наш герой свалился в эпилептическом припадке. Когда он лежал якобы в беспамятстве в медпункте, врач прямо над его койкой сказал фельдшеру: «После такого припадка он ровно через 10 минут должен обоссаться». И что вы думаете – провокация сработала успешно. В результате в батальоне от него поспешили избавиться. Он «пустился во все тяжкие»: использовал родственников, лежал в дурке и даже отрубил себе фалангу пальца, после чего был комиссован.

Я встретил его один раз уже на гражданке и задал вопрос: «Игорёк, оно того стоило? Не легче ли было просто отслужить?» Он ответил, что стоило.

Второй наш герой – солдат с замечательной фамилией Га-

ар, призванный с Дальнего Востока. Я никогда там не был и уже, наверное, никогда не буду, и я хорошо понимаю тот стресс, который испытала группа ребят, вынужденная проехать несколько тысяч километров до места службы. Но зачем же так чудить? Однажды в казарме всей роте зачитали его письмо домой. Я не думаю, что вскрывали все письма, возможно, это делали выборочно. Краткое содержание письма: «Третий день наступаем, двое убитых, пятеро раненых, тяжёлые бои с применением артиллерии». Короче, всё в стиле «пишу письмо на сапоге убитого товарища». Если бы сам не слышал, то никогда бы не поверил. Однако его подвиги не на фронте, а на обычной службе оказались куда более значимыми. В один из дней Гаара и ещё одного его земляка Новичихина очень быстро выволакивали из казармы, чтобы бойцы из их третьего взвода и все, кто был в курсе событий, не устроили над ними самосуд. Оказывается, эти два орла в свободное от работы время прямо на стройке принуждали своего сослуживца узбека Рахматова к, как бы это сказать помягче, минуте. В тот же день появился особист из Запорожья и уже от нас не уезжал. Двум героям несказанно повезло, что Рахматов сказал, что занимался этим и на гражданке. Всех троих раскидали по разным частям. А ведь могло всё закончиться и дисциплинарным батальоном. Раз уж мы затронули неуставные отношения, ещё немного о них и о дедовщине. Естественно, по официальной версии ничего этого не существовало вплоть до развала СССР. Но неофици-

ально все об этом знали и даже время от времени боролись. Так как стройбат более других частей был склонен к этому явлению – отсутствие оружия, бесконтрольность за пределами части и т. д., то во время моей службы роту набирали одного призыва, а старослужащие из других рот контактировали с нами редко и вообще держались подальше. Однако это совсем не исключало всякого рода издевательств внутри подразделений одного призыва. Я, например, точно знаю о существовании в нашей роте служивых, которые с завидным постоянством по ночам мыли полы вместо дневальных, в чьи обязанности это входило. Я даже просыпался поначалу и объяснял Давтяну, что это именно он должен мыть пол, а не Голошубов. Но вставать каждую ночь я не мог, а у Голошубова, видать, на роду было написано работать за других. Причём хочу заметить, что это совсем не зависело от размеров и мышечной массы, а только от силы духа, армейская служба буквально за месяц показывала, кто есть кто. Летом 1982-го появился секретный приказ №0100 Минобороны СССР «О борьбе с неуставными взаимоотношениями в армии». Каждое утро во время развода на работу нам зачитывали информацию о таких происшествиях и последующих наказаниях. Как я уже упоминал, наш плац находился в прямой видимости и слышимости от соседних домов, а их жильцы с удовольствием поглощали секретную информацию. Кстати, о секретности. Капитан Дерябин как-то мне сказал: «С американского спутника читаются номера наших

машин на хоздворе, о какой военной тайне ты говоришь?» Напоминаю, это было уже в 1982 году! Позже старший лейтенант Филимонов поведал мне весёлую байку о двух бомжах, которые оказались американскими шпионами. Мужики бродили по свалке под Николаевом и собирали макулатуру. Там же, под Николаевом, находились учебки разных родов войск. Так вот, оказалось, что это не просто макулатура, это списки, журналы, накладные, короче – вся отчётность из воинских частей. Проанализировав всё это, можно было не только узнать информацию о численном составе подразделений, но и как кого зовут, кто здоров, а кто болен, что ели и сколько горючего потратили на заправку техники. Да!.. «Большой секрет для маленькой такой компании...»

Что же касается моего личного знакомства с дедовщиной, было это один раз и очень недолго. Сдавал я наряд по штабу, навёл, как всегда, порядок к 20:00. Дождались смены только через полчаса. Рыжий казах по прозвищу Красный прошёлся по коридору и спрашивает: «Почему полы не мокрые? Ты их не мыл?» Я естественно возмутился: «Ты бы ещё через час пришёл!»

– Ничего не знаю, мой ещё раз, тебе дедушка говорит, – Красный попытался надавить авторитетом старослужащего.

– Не будет этого, – я упорно стоял на своём.

– Ты неприятностей хочешь?! – раздражённый воин 2-й роты прыгал вокруг меня, но не приближался.

Я посмотрел на своего дежурного, художника Фомина:

«Иди во 2-ю роту и позови Ягудаева, скажи, что он Малинскому нужен». Через 5 минут на лестнице послышалось шумное дыхание, и в штаб влетел Кешок. Узнав, что случилось, он удалился с дедушкой СА на лестничную клетку. Оттуда донеслись звуки лёгких пощёчин и голос Ягудаева. «Что, Красный, сильным дедом себя возомнил?» На этом инцидент был исчерпан.

Пару лет назад пересмотрел легенды и мифы Древней Греции и в очередной раз поразились способности человеческого мозга рожать монстров (героев и антигероев) и воссоздавать такие фантастические события. Но самое удивительное, что подавляющее большинство людей не просто верили в эти истории, они были основой их мировоззрения. Хотя чему тут удивляться, люди моего поколения и старше (а встречал я и намного моложе) точно так же являются заложниками мифов советского периода. В этих мифах всё срисовано под кальку: выдуманные герои и назначенные враги, подвиги, которых никогда не было, и полные провалы, выданные за достижения. Но в отличие от древнегреческих, мифам советским, на мой взгляд, не стать историко-культурным наследием землян. Один из таких мифов, который до сих пор часто цитируется, – это миф о выдающемся советском образовании. Как и любая выдумка, при столкновении с реальной действительностью она сразу же превращается в ноль: отсталые электроника, машиностроение, отсутствующие кибернетика и генетика, никак не связанные меж-

ду собой знания, полученные в вузах, и реальные практические навыки на производстве. Но это всё высокие материи, я сейчас не о ничтожном количестве нобелевских лауреатов, я об обычной, элементарной грамотности. Так вот, раз в неделю я вёл политинформацию в своём взводе. А вообще сейчас люди знают, что такое политинформация? Ну, не важно. Освещались события в стране и за рубежом, естественно, с партийной, правильной точки зрения. Вот опять я прокололся! Надо же читателям объяснить, что партия была одна, и точка зрения соответственно тоже. На стене в ленинской комнате, где проходила политинформация, висела большая политическая карта мира. Воины должны быть подкованными, поэтому в конце занятия я вызывал их к карте с простейшими заданиями, например, показать страны Варшавского договора. Очень быстро я понял, что это – неразрешимая задача. Тогда одного из узбеков я попросил показать свою республику. К моему изумлению, он подошёл к Южной Америке и стал искать Узбекистан там. Наконец я придумал самое лёгкое – показать Советский Союз. Я даже помог бойцу – поставил указку на западной границе и попросил обвести территорию Союза... Ничего не получилось, через каждые 10 сантиметров он сворачивал с границы внутрь страны и ждал дальнейших указаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.